

Михаил ГАУЗНЕР

Как становятся папами

"Кажется, надо ехать, — сказала жена не свойственным ей растерянным голосом. — Вроде бы ещё рано, врач сказал, что есть ещё несколько дней..." Чтобы подбодрить жену, Гриша решительным тоном ответил: "Собирайся!" Набросали в сумку набор необходимых вещей и вышли из дома.

Вызвать такси в те годы было нереально. Наступали сумерки. Прошли два квартала, но по их туликовой улице за это время не проехала ни одна машина. Вышли на более оживлённую, но и там не везло — "частников" тогда было очень мало, а единственное встреченное такси занято. Наконец, Гриша успел заметить на обогнавшей их "Волге" зелёный огонёк и громко крикнул: "Такси!" Машина остановилась не сразу. Опасаясь, что водитель уедет, по привычке сказал жене: "Рванули!" — и они, держась за руки, побежали.

Запахавшись, сели на заднее сиденье, и Гриша назвал адрес. "Не-е, я в парк, а это в другую сторону, не поеду". "Пожалуйста, это в роддом, жена рождает!" Водитель обернулся и с ехидной усмешкой спросил: "Поумнее ничего не придумал? Рождает она... Рожать так не бегают! Да и фигура не похожа. Вылезайте!" Гриша умоляюще повторил: "Пожалуйста, поскорее, я заплачу не по счётчику!" "Сказал — вылезайте! За такие выдумки Бог вас и наказать может! Не поеду!" "Никуда мы не выйдем, везите в роддом!"

Водитель неохотно поехал, продолжая бурчать, и замолчал только после того, как фары осветили вывеску "Роддом". Гриша сунул ему деньги, позвонил в дверь, завёл жену в вестибюль, и пожилая санитарка немедленно ушла с ней внутрь. Вернувшись, сказала: "Нечего тебе тут делать, иди домой". "Но как же, вдруг что-то понадобится?" — растерянно сказал Гриша. "Завтра приходи, с утра. Раньше ничего не будет!" — и выпроводила.

Выйдя наружу, Гриша с удивлением увидел, что такси стоит на прежнем месте. Водитель вышел и сказал: "Извини, парень, я был неправ. Хорошо, что не высадил вас. Поехали, подвезу тебя до моста, оттуда доберёшься. И денег не надо".

В семь утра Гриша стоял перед закрытой дверью роддома, не решаясь постучать. Через час вышел врач и сказал: "Всё идёт нормально. Раньше полвторого — двух не приезжайте и не звоните".

Приехав домой, Гриша не мог найти себе места, пока его мать не выдержала: "Перестань маяться, займись чем-нибудь полезным. Ты давно собирался покрасить гараж, — так торжественно называли в семье сарайчик под лестницей, где жил Гришин мотороллер. — Как раз успеешь к часу, заодно и польза будет, а то уже краска в банке засыхает".

Мать оказалась права — он успел всё покрасить, вымыть запачканные с непривычки краской руки и раньше назначенного времени опять стоял под заветной дверью. Часа через полтора вышел врач и поздравил Гришу с дочерью, заверив, что с ними обеими всё в порядке. Телефон-автомат рядом с роддомом, конечно, не работал, и Гриша решил уехать без звонков.

Дома его ждал накрытый стол (видимо, ро-

дителям уже сообщили). Только успел он сделать глоток вина, как раздался звонок телефона, стоявшего в соседней комнате. Мать, сидевшая ближе к двери, подошла, сняла трубку и позвала: "Папа, тебя!" Отец Гриши выбрался из-за стола, прошёл через всю вторую комнату и протянул руку к трубке. Только тогда мать, изобразив удивление, спросила: "А ты здесь при чём? Теперь папа — он, а ты — дед, привыкай", — и позвала Гришу.

Приняв по телефону чьё-то поздравление, Гриша извинился: "Не сидится. Немного покатаюсь". Езда всегда его успокаивала, заставляя сосредоточиться. Так было и в этот раз — подъезжая к дому, он попытался представить себе, как через несколько дней привезёт сюда не только жену, но и дочь! Свою дочь! Эта образная попытка у него, как ни странно, почти получилась, и он успокоился.

Но вскоре выяснилось, что успокаиваться было рано. У жены начались проблемы с грудью, пошли бессонные ночи, практически пропало молоко, и никакие меры типа питья пива с молоком и других самоистязаний не помогали. Однажды на работе, затягиваясь сигаретой в "курилке", Гриша поделился своими огорчениями с коллегой, ставшим отцом почти одновременно с ним: "Проблемы с молоком?" — "Да". — "И у моей. Вымоталась она совсем". — "И моя. Сил уже нет!" И только через несколько фраз выяснилось, что "молочные" проблемы у их жён одного наименования, но с противоположными знаками: у одной нет молока, а у другой — его избыток и связанные с этим изматывающие процедуры.

Так у Гришиной дочери появилась молочная мама, и он минимум дважды в день ездил к ней за грудным молоком. Однажды при доставании из холодильника выскользнула из пальцев запотевшая бутылочка, разбилась. Его и без того не всегда сытая дочь на полдня осталась без еды; её плач он запомнил надолго.

Через тридцать лет Гриша с женой был в гостях у друзей в Сан-Франциско и узнал, что молочная сестра его дочери лет десять назад стала "Мисс Калифорния".

Декретный и следовавший за ним обычный отпуск закончились, и подошло время Гришиной жене выходить на работу. Она работала в прекрасной школе, очень дорожила замечательными коллегами и учениками, не допускала возможности потери работы, поэтому вариант просьбы об отпуске за свой счёт даже не обсуждался. Нужно было срочно найти няню. Попросили об этом многочисленных знакомых, расклеили объявления и стали ждать звонков.

Проблема оказалась серьёзной. Несколько заведомо неприемлемых предложений были отвергнуты. Наконец, перед самым началом учебного года появился вроде бы неплохой вариант — пожилая опытная женщина, вырвавшая двух собственных внуков, в прошлом работница детского сада. От её имени позвонил сын, объяснивший, что звонит он, а не мама, так как она по телефону не всё слышит. Оговорили условия — работа только до середины дня, а оплата не намного меньше зарплаты Гришиной жены. Время поджимало, пришлось согласиться.

Вечером накануне первого сентября Гриша явился по указанному адресу. Его встретила опрятная старушка с тщательно уложенными седыми буклями — "божий одуванчик", как сразу мысленно назвал её Гриша. Он привёл её домой, познакомил с женой и объектом попечения. Няня предложила, чтобы родители утром сами кормили ребёнка, до её прихода вывозили коляску под дерево во двор ("он у вас такой зелёный!"), ставили рядом стол и оставляли завернутую в несколько слоёв шерсти бутылочку для второго кормления ("чтобы я не ходила за ней в квартиру"), а также чистые пелёнки. Перепеленать ребёнка она собиралась прямо в коляске.

Гришину жену такие перспективы настораживали, но что поделаешь — завтра ей начинался учебный год, все остальные члены семьи тоже работают, отменять вариант уже поздно. Решили рискнуть, а Гриша вызвался приехать домой с инспекционной целью во время своего обеденного перерыва (вернее, вместо перерыва — ведь почти всё его время нужно было потратить на дорогу в оба конца).

Въехав во двор, Гриша застал настоящую идиллию: няня мирно поспавала рядом с коляской, свесив голову с буклями на грудь, ребёнок заходил плачем, на нём сидела кошка и, протянув лапу к лицу девочки, пыталась с ней заигрывать. Попытка разбудить няню окликом ни к чему не привела. Тогда Гриша решил на энергичную меру — подкатил мотороллер почти впритык к коляске, завёл двигатель и дал почти полный "газ". На этот раз две из трёх участниц процесса энергично отреагировали — кошка с обижённым видом грациозно выпрыгнула и удалилась, плач дочери стал ещё интенсивнее. Но самая ответственная из них — няня — продолжала блаженно подрёмывать.

После этого у Гриши не оставалось выбора. Он хорошенько потряс няню за плечо; этот способ общения оказался эффективным, так как воздействовал на объект непосредственно, без участия органов слуха. Не слушая попыток оправдания ("я ночью плохо спала и всего на минутку задремала"), Гриша твёрдо заявил, что её работа больше продолжаться не будет, и выпроводил. Занёс дочь домой, перепеленал и накормил. Наконец, позвонил на работу и сказал, что ввиду сложившихся обстоятельств он вернётся только в конце дня (имея в виду, что жена придёт домой сразу после уроков, не задерживаясь).

Самое интересное в этой истории произошло вечером — позвонил сын няни и в полном соответствии с Трудовым кодексом потребовал плату за две недели её работы, т. к. работника заранее не предупредили и уволили по бездоказательным причинам.

После этого сменились ещё две няни. Последняя из них, пожилая женщина, жила у Гриши в семье до тех пор, пока дочери исполнилось четыре года и она пошла в детский сад. Эта няня очень любила ребёнка и в случаях несогласия с линией поведения родителей в отношении их дочери не раз твёрдо заявляла: "Вы не родители, вы вредители". Уехав в своё село, пару раз приезжала навестить воспитанницу, безапелляционно крити-

куя вслух ряд обстоятельств её новой жизни. Употребление дочерью некоторых слов и проищение многих других, усвоенные ею при общении с няней, родителям пришлось терпеливо корректировать довольно долго. Но они оставались благодарны этой малограмотной пожилой женщине за искреннюю, хоть и очень своеобразную, любовь к их дочери.

В детский сад дочь отнёс Гриша. Все члены семьи очень беспокоились, как вырванный вне коллектива ребёнок отреагирует на непривычные для него условия. Гриша на всякий случай предупредил на работе, что он, возможно, в этот день не придёт.

У ворот их встретила воспитательница, по доброму познакомилась с девочкой, взяла за руку и повела на территорию. Гриша, оставив калитку приоткрытой, с опаской смотрел им вслед. Пройдя десяток шагов, дочь обернулась и, увидев отца, спокойно сказала: "Что ты стоишь? Иди на работу, всё хорошо!" В меру успокоенный, но с комом в горле Гриша поехал на завод. Правда, уже не на мотороллере — его, ставшего за одиннадцать лет практически членом семьи, незадолго до этого украли от проходной.

Специальных воспитательных мер к дочери обычно не применяли, считая личные примеры достаточно действенными. Правда, изредка это оказывалось необходимым. Однажды дочь, которой тогда было лет пять, прибежала из двора и возбуждённо обратилась к Грише: "Папа, папа! Лене (соседской девочке, почти ровеснице, отец которой был моряком) её папа купил туфельки — красные, лаковые, такие красивые! Я тоже хочу! Купи мне такие! Купишь? Я очень хочу!"

Гриша посадил дочь на колени, погладил по голове и сказал: "Конечно, куплю. Только я должен тебе кое-что объяснить. Ты знаешь, где работает папа Лены? Нет? Сейчас расскажу. Он работает на большом железном корабле, который уходит в море очень надолго. Я могу уйти со своей работы на заводе и тоже пойти плавать на таком железном корабле. Тогда я смогу привезти тебе такие туфельки. Но учти — я долго не буду бывать дома, только один раз в год, когда у меня будет отпуск, а всё остальное время мы с тобой не будем видеться. Ты согласна?"

В глазах дочери появились слёзы, она обхватила ручки шею отца, прижалась к нему и стала просить: "Папочка, пожалуйста, не иди работать на этот противный корабль! Я не хочу, чтобы тебя долго не было! Не надо мне таких туфелек! Я хочу видеть тебя каждый день, гулять с тобой, разговаривать! Не надо надолго уезжать!" Правда, получив заверение, что папа не уедет, с детской непосредственностью спросила: "А обычные, не лаковые, пусть не такие красивые, но красные вы мне сможете купить?" И твёрдо добавила: "Но это не обязательно!" Это была первая и последняя в жизни дочери просьба купить ей обновку.

Рассказав о первых отцовских опытах своему другу-журналисту, Гриша услышал в ответ: "Это — готовый рассказ. Напиши его и назови "Как становятся папами". Гриша так и сделал.

Последний французский поэт Одессы

В Одесское общество охраны памятников обратился киевский Музей одной улицы: с просьбой найти сведения о жизни и деятельности в Одессе семьи Вишневских де-Турнефоров и — по возможности — места захоронения. Благодаря материалу Государственного архива Одесской области, историческим запискам А. Маркевича «Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета», воспоминаниям ученика Ж. де-Турнефора — А.М. де-Рибаса — и семейным архивам Вишневских была составлена историческая справка о двух представителях этой фамилии, связанных с Одессой.

Наполеон Луи Жозеф Жюль Вишневский де-Турнефор, римско-католического вероисповедания. Поляк по отцу, француз по матери, родился 31 мая 1812 г. в Аррасе, департамент Па-де-Кале (Франция).

Отец: Жозеф де Вишневский (23.04.1756, Landau — 16.06.1830, Paris) — польского происхождения, «молодая» ветвь князей Вишневских, служивших военными, в том числе и в русской армии, и имевших земли и на территории перешейки Украины (огромное имение Вишневец под Кременчугом);

мать: Антуанетт Жозефин Розали Полин Пит-

тон де Турнефор (1755 — 28.04.1831) — внучатая племянница известного ботаника Турнефора.

В 1827 — 1830 гг. учился в колледже в Манте. В 1830 — 1831 гг. — служба в 19-м пехотном линейном полку. С 1832 г. преподавал в городе Ройс, а затем — в городе Шартре, работал в библиотеке св. Женевиевы, занимался переводом св. Терезы Авильской. Работал в монархической газете «La France», которая издала в 1847 г. его первую поэтическую книгу «Chants des ruines».

Был близок к королевским и литературным кругам Франции, его опекала герцогиня Мария-Каролина Бурбон-Сицилийская, мать короля Генриха V, а литературные таланты поддерживал французский драматург Альфред де Виньи.

Жюль Вишневский де-Турнефор являлся автором нескольких поэтических сборников и ряда исторических романов, был известен во Франции и в Европе в целом. В 1857 — 1860 гг. читал лекции по французской литературе в С.-Петербургском университете. По политическим мотивам в 1863 г. был вынужден переехать из Парижа в Одессу и благодаря протекции Ивана Тургенева в 1863 г. был определен лектором французского языка в Ришельевский лицей.

После основания Новороссийского университета стал первым лектором французского языка, параллельно преподавал в институте благородных девиц. Часто выступал с публичными лекциями по истории французской лите-

ратуры, которые позднее вышли отдельным сборником. В 1873 г. выпустил в Одессе итоговую книгу поэзии.

"Поэт не в одних своих стихотворениях, но в светлом отношении к жизни, он имел дар увлекательно говорить, что можно было слушать целыми часами с истинным наслаждением", — писал А.М. де-Рибас. И далее: «...он был встречаем во всех домах с исключительной любовью. Его перестали принимать... Произошло это от того, что Турнефор влюбился в одну еврейку (...) и написал и напечатал посвященное ей прелестное стихотворение». Эту женщину он увидел мельком, когда она меняла деньги у меня. Она очаровала его библейской красотой. И эта поздняя платоническая любовь погубила Турнефора. До поздней ночи он сидел перед зеленой лампой и писал стихи» (А.М. де-Рибас. «Смерть поэта»). Он остался совсем одиноким, потеряннным, заболел и решил, что выздоравливать не стоит.

Ему остались верны Александр Михайлович де-Рибас и Торшин (его ученики). Они сидели у умирающего Турнефора до его последнего вздоха в доме Карузо (ул. Ланжерновская, 28).

Умер Ж. де-Турнефор 23 мая 1876 г. Его похоронами на I Христианском кладбище занимались А. де-Рибас и дочь городского головы Новосельского Мария Бушен.

По воспоминаниям современников, он был

последним французским поэтом Одессы. Награжден за особые заслуги орденом св. Анны III степени.

От брака с Мари Шарлоттой Антуанеттой Жофруа (1829 — 1905, Париж) родились четыре сына. Старший сын Иосиф Юльевич де Турнефор интереснее нас больше, так как его жизнь связана с Одессой.

Родился 23 апреля 1848 г. в Париже. Статский советник, преподаватель французского и немецкого языков в мужских и женских гимназиях Симбирска, Нижнего Новгорода и т. д. Преподавал французский язык молодому А.П. Чехову в Таганроге.

Выйдя на пенсию, вернулся в Одессу, куда приезжал из Парижа еще в 1867 году к отцу.

В Одессе продолжал преподавание языков, консультировал студентов университета. Известный в своё время библиограф, автор исторических записок о гимназиях.

Участник русско-китайской войны. Прямой потомок великого французского ботаника, автора классификации растений, писателя и путешественника Жозефа Питтона де Турнефора. Родственник Августа Шапеллона, профессора Новороссийского университета, общественного деятеля, соратник городского головы Г. Маразли.

Умер 14 июня 1911 г. Похоронен на 94-м участке II городского кладбища. Могила и памятник сохранились.

И. АРУТЮНОВА, Д. ШЛЁНСКИЙ.